

Су Цин приходила в ярость, стоило ей взглянуть на этот его вид — только и умел, что строить из себя жертву, противно.

Поскольку Цзянь Цянь часто держался рядом с Ци Цзинем, Су Цин не решалась распускать руки. Раньше, пока Цянь Юй еще не появился, отношения между Цзянь Цянем и Ци Цзинем были самыми обычными: так, дежурная забота время от времени, о каком-то глубоком общении и говорить не приходилось. Из-за этого Су Цин отводила душу на Цзянь Цяне сполна, пуская в ход кулаки и пинки, а теперь, когда избивать его открыто было нельзя, она, должно быть, поступала иначе...

Заметив, что Су Цин достала длинную иглу, Цзянь Цянь от страха забился в угол, вжавшись спиной в стену. В его глазах читался первобытный ужас, словно перед ним стоял сам Бог Смерти.

— Нет, не надо...

Су Цин навела справки и выяснила, что Цзянь Цянь панически боится острия игл, поэтому и придумала такой способ расправы.

Будто в нее вселилась матушка Жун...

— Ванцай, ты помнишь Ся Юйхэ у озера Даминху?

— Что ты хочешь сказать?

— Эта злая женщина собирается тыкать меня иглами!

— Система может защитить Хозяина от восьмидесяти процентов боли.

— Почему не от ста?

— Потому что Хозяин должен научиться прочувствовать все на собственной шкуре.

— ...

Стоило Су Цин взглянуть на лицо Цянь Юя, как ее вновь охватывала ярость. С искаженным от злобы лицом она грубо притянула Цянь Юя к себе и вонзила иглу ему в бок.

— А! — Цзянь Цянь отчаянно забился, но не смог вырваться из этой демонической хватки.

Видя, как Цянь Юй морщится от боли, Су Цин испытывала все большее возбуждение. Зажав

между пальцами по игле, она принялась колоть его ими одновременно.

И надо же было Су Цин проявить такую изощренность: она использовала особые, тончайшие иглы. Они были настолько крошечными, что без лупы и разглядеть-то было невозможно, но вонзались невыносимо больно.

Блин, даже двадцать процентов боли — это чертовски больно, и одним богам известно, как сильно я боюсь уколов.

— Ванцай, у меня фобия игл.

— Потерпишь, и все пройдет. Боль она и есть боль — какая разница, сейчас или позже, к чему эти жалобы?

— ... — я даже нашлась что ответить. Насколько потерял дар речи.

Цзянь Цянь пролил слезы от боли...

Бедная Цзывэй, бедный я...

Вдоволь поиздевавшись над Цянь Юем, Су Цин самодовольно и радостно усмехнулась. Сама она, пожалуй, даже не замечала, насколько жутко выглядело ее искаженное лицо — вылитая злая ведьма.

Есть такой тип людей, которые находят душевное успокоение, только истязая тех, кто слабее их. Психика у подобных личностей обычно глубоко извращена и искажена.

И Су Цин была именно из таких...Вдоволь натешившись пытками Цянь Юя, Су Цин наконец озвучила истинную цель своего визита. Выяснилось, что ей здесь оставаться уже совсем недолго, а у Ци Цзиня не было абсолютно никаких успехов.

Из-за этого Су Цин не на шутку встревожилась. Ей во что бы то ни стало требовалась помощь Цянь Юя. Поскольку Ци Цзинь всецело доверял Цзянь Цяню, если бы тот сам предложил ему еду, Ци Цзинь ничего бы не заподозрил.

В нынешнюю эпоху старые уловки вроде сближения больше не работали — даже превращение риса в попкорн ничего бы не изменило, не говоря уже о попытках переломить ситуацию.

Поэтому Су Цин не собиралась принуждать Ци Цзиня к близости, а приготовила особый вид гу — ядовитого насекомого. Поддавшись воздействию гу, человек становился зависим, а затем начинал безумно и фанатично бредить объектом своей страсти.

Эту разновидность гу Су Цин обнаружила случайно. Стоило Ци Цзиню проглотить отраву, как он уже не смог бы жить без неё и был бы привязан исключительно к ней...

Способ Су Цин любить человека заключался в том, чтобы полностью уничтожить его.

Су Цин заявила:

— Сегодня за ужином я сама добавлю в блюдо кое-что для усиления вкуса, а ты лично отнесешь и покормишь его. Не переживай, это успокаивающее средство, от него нет никаких побочных эффектов. Просто братик Цзинь сможет наконец нормально отдохнуть, в конце концов, он вечно так устает на работе, верно?

Глядя на испуганный взгляд Цзянь Юя, Су Цин высокомерно задрала подбородок:

— Разумеется, если во время ужина ты вздумаешь послушаться, твои фотографии... хэ-хэ!

Когда Су Цин ушла, Цзянь Цянь вытер лицо, побежал в спальню Ци Цзиня, переоделся в его пижаму, завалился на его кровать и снова сладко заснул.

В конце концов, этой ночью он так устал...

А под утро, толком не выспавшись, еще и вытерпел столько мучений от этой старой ведьмы...

Проснувшись, Цзянь Цянь всё ещё пребывал в полубессознательном состоянии. К тому времени Су Цин уже закончила готовить еду.

Когда Цзянь Цянь спустился вниз, господин президент еще не вернулся. Су Цин с улыбкой на лице затащила Цзянь Цяня на кухню и шепотом произнесла:

— Я добавила эту усиливающую вкус добавку в яичный заварной крем. Ты сам покормишь им братика Цзиня, уяснил?

Цзянь Цянь испуганно кивнул. Су Цин, глядя на его жалкий вид, удовлетворенно усмехнулась.

Поцелуй с президентом (15)

Вернувшись домой, Ци Цзинь почувствовал, что Цзянь Цянь ведет себя как-то иначе. Ему показалось, будто тот сильно чего-то боится.

— Сяо Цянь, что случилось?

В этот момент в слепой зоне для взгляда Ци Цзиня Су Цин свирепо зыркнула на Цзянь Цяня. Тот мгновенно съёжился, а его голос зазвучал еще робче:

— Ничего...

— Дядя, садись скорее ужинать! Еда остынет и станет невкусной! — улыбнувшись, произнесла Су Цин. Ци Цзинь положил в тарелку Цзянь Цяня еду, которую тот любил, и покормил его. Цзянь Цянь послушно, кусочек за кусочком, всё съел, но на душе у него было тяжело, поэтому и еда казалась безвкусной.

— Сяо Цяню не нравится? — мягко спросил Ци Цзинь.

— Нравится!

Каким бы медленным ни было поедание ужина, в конце концов в него больше ничего не лезло. Су Цин тут же вмешалась:

— Двоюродный брат, Сяо Цянь уже наелся, ешь давай сам!

Увидев, что Цзянь Цянь и впрямь сыт, Ци Цзинь больше не стал пытаться его кормить.

Как бы Су Цин ни зыркала на него, Цзянь Цянь так и не притронулся к той пиале с заварным кремом из яиц.

Зато Ци Цзинь взял её сам. На губах Су Цин мелькнула едва заметная улыбка, а Цзянь Цянь со страхом уставился на его движения.

И когда Ци Цзинь уже собирался попробовать угощение, Цзянь Цянь громко выкрикнул:

— Господин Ци...

— Что такое? — недоумевающе посмотрел на него Ци Цзинь. Сегодняшнее поведение Цзянь Цяня и правда казалось странноватым.

Под столом Су Цин пинула Цзянь Цяня в ногу. Туфли на высоком каблуке, что на ней были, имели острые мыски — и боль от такого удара оказалась неопишуемой, но Цзянь Цянь лишь изменился в лице и стерпел.

Цянь Юй мог поручиться, что на месте удара у Цзянь Цяня наверняка остался красный след.

Цянь Юй выхватил пиалу из рук господина генерального директора и разом всё съел. Заметив странные действия Цзянь Цяня, Ци Цзинь мгновенно сообразил, что что-то не так, ведь Цзянь Цянь отродясь не ел яиц — у него была на них аллергия.

Ци Цзинь тут же отобрал у Цзянь Цяня пиалу:

— Сяо Цянь!

Проглотив еду, Цзянь Цянь почувствовал головокружение. Почему эффект проявился так быстро?

[Хозяин, ты же знал, что там гу, зачем тогда съел?]

[Ради очков.]

[Ванцай, это ты добавил спецэффекты? Почему оно подействовало так быстро?]

[Нет, у первоначального владельца тела аллергия на яйца.]

[.....]

Цзянь Цянь без сил рухнул в объятия Ци Цзиня, а его голос звучал до того хрупко, словно он был готовым разбиться фарфоровым пупсом:

— Господин Ци... не ешьте...

Ци Цзинь резко перевёл взгляд на Су Цин, и ту тут же охватила паника:

— Кузен, я ничего не делала.

Подобное поведение с выдачей себя с головой лишь укрепило и без того зародившиеся у Ци Цзиня подозрения: в Су Цин была стопроцентная проблема.

Ци Цзинь немедленно помчал с Цзянь Цянем в больницу, а Су Цин взяли под стражу телохранители.

.....

Ци Цзинь очень долго ждал у дверей операционной.

Трудно было вообразить муки сильнее тех, что пожирали его сердце сейчас.

— Ну как? — заметив вышедшего врача, взволнованно спросил Ци Цзинь.

— Внезапная аллергия, дошедшая до довольно тяжёлого шока. Но доставили вовремя, ничего страшного... только вот...

Увидев нерешительное выражение на лице медика, Ци Цзинь нахмурился, ощутив недоброе предчувствие:

— Доктор, есть ещё какие-то проблемы?

— Видите ли, при сканировании на теле пациента обнаружилось множество мелких следов от игл, что наводит на подозрения об издевательствах. К тому же в яичном креме мы выявили странный компонент — мы пока не знаем, что это такое, но данное вещество вызывает привыкание и галлюцинации, — произнёс врач.

Ци Цзинь потрясённо слушал слова доктора. Всё-таки будучи человеком зрелым и повидавшим виды, он не расклеился окончательно. Немного переведя дух, он глухим голосом спросил:

— Я могу войти к нему?

— Да, пожалуйста!

Ци Цзинь тихонько вошёл внутрь. Перед глазами тут же предстал безмятежно спящий Цзянь Цянь — словно не от мира сего сказочный ребёнок, чистый и прекрасный!

Ци Цзинь бережно взял Цзянь Цяня за руку.

Издевательства, неизвестные препараты... Любое из этого могло сломать хрупкого юношу.

А он, будучи самым близким ему человеком, ничего этого даже не заметил! Неудивительно, что в тот день тот исполнил на пианино столь печальную мелодию. Ему следовало догадаться обо всём гораздо раньше... Прояви он бдительность хоть немного раньше, ничего бы этого не случилось.

И тогда этот сильный, непоколебимый мужчина заплакал...

— Прости...

— Сяо Цзянь, прости меня, это я о тебе не позаботился...

В этот момент ресницы Цзянь Цяня на больничной койке слегка дрогнули, он медленно открыл глаза и слабо протянул маленькую ручку, чтобы смахнуть с лица Ци Цзиня слёзы:

— Господин Ци, не плачьте, со мной всё в порядке...

— Я не плачу, просто ветер в глаза попал, — с натянутой и какой-то горькой улыбкой произнёс Ци Цзинь...

Цзянь Цянь слабо улыбнулся:

— Какая неуклюжая ложь.

— И правда. Какой же я бестолковый, да?

[Ванцай, знал бы я — не стал бы пить. Видя генерального директора таким, мне так тоскливо...]

[Когда яд гу начнет действовать, тоскливее будет еще больше!]

[.....]

Когда Цзянь Цянь заснул, телохранители доложили Ци Цзиню, что в телефоне Су Цин обнаружилось множество компрометирующих фотографий Цзянь Цяня.

Лицо Ци Цзиня почернело от гнева. Все вокруг были напуганы до смерти, ведь они ещё никогда не видели Ци Цзиня таким — он походил на демона ночи, ужасающего до дрожи. Ци Цзинь поступил решительно, не дожидаясь ответа, сначала срубил, а потом доложил.

Когда семья Су явилась на порог, каждое представленное ими доказательство заставляло замолчать от стыда.

Главная госпожа семья Ци тоже испытывала жгучее чувство вины, ведь именно она из всех сил уговаривала Су Цин поселиться у них. Кто бы мог подумать, что девушка, казавшаяся такой мягкой и милой, на самом деле окажется настолько злобной.

После этого семья Су была полностью уничтожена. Никто не знал, через какие последствия пришлось пройти Су Цин, но стоило вспомнить ветеринара, который даже не успел тронуть Цзянь Цяня и нанести ему хоть какой-то реальный вред, а уже был покалечен Ци Цзинем на всю жизнь.

Судьбу Су Цин можно было легко представить...

Цянь Юй проспал до самого следующего утра и проснулся с тяжелой, гудящей головой — такое ощущение, будто его лягнула лошадь.

А последствием поедания яичного суфле стало то, что лицо Цянь Юя покрылось множеством мелких красных точек... густо усыпавших кожу, ужасно зудящих, к которым при этом нельзя было прикасаться руками.

[Ванцай, я испортил свою внешность!]

Ванцай: Одарил тебя презрительным взглядом, додумывай сам...

[Просто аллергия, пройдет через несколько дней, нечего устраивать панику, позорище!]

[Правда?]

[Правда]

[Но я же теперь такой страшный, неужели мистер президент будет презирать меня?]

[Будет ли он тебя презирать, неужели у тебя в голове совсем нет мозгов?]

[Ладно!... Ты меня больше не любишь]

[.....]

В конце концов, такой несравненный красавец, как я, в любом обличье останется воплощением идеала.

[А где мистер президент?]

[Ушел готовить тебе завтрак!]

Легок на помине — у двери слышались тихие шаги. Очевидно, он думал, что Цянь Юй все еще спит, поэтому ступал нарочито осторожно. Эта крошечная деталь ярко показывала и уровень воспитания человека, и то, насколько сильно он дорожит тем, к кому идет.

— Проснулся? — Ци Цзинь сразу же подошел к Цзянь Цяню и опустил на тумбочку принесенный с собой контейнер с едой.

Цзянь Цянь крепко обнял Ци Цзиня, легко прижавшись головой к его груди. Объятия Ци Цзиня были такими теплыми, от него исходил неповторимый родной запах, обладающий неизъяснимым, манящим очарованием.

— Куда ты уходил?

Ци Цзинь мягко обнял Цзянь Цяня в ответ, а его широкая теплая ладонь нежно поглаживала Цзянь Цяня по спине, словно он успокаивал маленького ребенка. Голос его звучал мягко и нежно, подобно звенящему журчанию ручья, укутывая хрупкое сердце Цзянь Цяня в кокон безопасности.

— Прости, я не уследил. Обещаю, в следующий раз, когда Сяо Цянь проснется, первое, что он увидит, буду я, хорошо? — нежно произнес Ци Цзинь.

— Хорошо...

Понимающе обняв Цзянь Цяня еще немного, Ци Цзинь отстранился и достал пакетик с лекарством. Стоило залить порошок кипятком, как по палате поплыл резкий, густой аромат

китайских целебных травок.

Брови Цзянь Цяня тут же сошлись на переносице, и он слегка отпрянул назад.

Цзянь Цянь боялся пить лекарства, особенно китайские...

От них было правдиво горько, и проглотить их казалось выше человеческих сил.

Заметив, как Цзянь Цянь пытается отстраниться, а в его глазах читается откровенное отторжение, Ци Цзинь терпеливо произнес:

— Сяо Цянь, будь умницей, выпьешь лекарство, и аллергия пройдет...

Цзянь Цянь молча покачал головой, и в глазах его отразился чистый отказ.

Ци Цзинь и сам прекрасно знал, что отвары китайской медицины противны на вкус, но по сравнению с западными препаратами они давали гораздо меньше побочных эффектов, а организм Цзянь Цяня сейчас категорически не переносил нагрузку от химических лекарств.

— Давай так? Если Сяо Цянь послушно выпьет все лекарство, я выполню любое его желание, абсолютно любое!

В глазах Цзянь Цяня постепенно зажжись искорки:

— Правда?

— Конечно, я держу свое слово.

Хмурясь, Цзянь Цянь принял из рук Ци Цзиня чашку, приняв вид храброго воина, великодушно отправляющегося навстречу собственной гибели.

Ветер свищет печально над холодной рекой, храбрец уходит в поход, не вернется домой...

[Всего-то лекарство выпить, с чего вдруг столько драматичных фантазий?]

[Вся боль и горечь человеческой жизни состоят из восьми-девятой частей...]

[.....]

Цзянь Цянь уловил этот едкий запах китайских травок и его едва не стошнило. Пришлось подавлять подступающую тошноту, мечась между решимостью попробовать и готовностью к самопожертвованию.

Наконец, он зажмурился и осушил чашку до дна...

Черт, горько, как же горько, невероятно горько...

Ци Цзинь тут же поднес к губам Цзянь Цяня леденец. Среди разлитой во рту горечи внезапно забрезжила капелька сладости, и постепенно вкус уже не казался таким отвратительным.

И в этот момент Ци Цзинь, не говоря ни слова, крепко обнял Цзянь Цяня и неожиданно припал к его губам.

Во рту Цзянь Цяня на смену горечи и сладости пришло какое-то новое, медовое ощущение.

Горечь между их губами и зубами медленно таяла и растворялась.

Цзянь Цяню нравилось целоваться с Ци Цзинем, нравилось это ничем не замутненное чувство защиты, нравились и жаркие поцелуи, пропитанные страстным желанием. Любовь может быть бережной заботой, а может — властным обладанием. Иными словами, пока это Ци Цзинь, Цзянь Цяню нравилось абсолютно все.

Лишь когда Цзянь Цянь почувствовал легкое головокружение от нехватки воздуха и совсем обмяк, Ци Цзинь неторопливо завершил этот полный глубокого смысла поцелуй.

— Ну как? Сяо Цяню все еще горько? — мягко улыбнувшись, спросил Ци Цзинь. — Больше не горько... — Цзянь Цянь смущенно опустил голову, но тут же о чем-то вспомнив, снова поднял взгляд на Ци Цзиня: — Я ведь не выгляжу сейчас слишком некрасиво?

Ци Цзинь немного подумал:

— Ужасно!

Цзянь Цянь тут же обиженно надул губы. Ци Цзинь улыбнулся, протянул руку и потрепал Цзянь Цяня по голове:

— Поэтому Сяо Цянь должен поскорее поправиться.

Каким бы ни был Сяо Цянь, я люблю его любого!

Ци Цзинь мягко коснулся губами лба Цзянь Цяня. Этот простой жест дал Цзянь Цяню понять: как бы он ни изменился, Ци Цзинь никогда от него не отвернется.

— Чего бы тебе хотелось, Сяо Цянь?

— Я... я хочу пойти с тобой в парк развлечений, — тут же выпалил Цянь Юй.

На самом деле Цянь Юй не сказать чтобы сильно рвался в парк развлечений — в конце концов, на всех этих аттракционах он уже накатался вдоволь. Но он попросил об этом потому, что таково было заветное желание прежнего хозяина тела.

Пусть он и не мог сделать для прежнего владельца многое, исполнить одно его маленькое желание было вполне по силам.

— И это всё? — Ци Цзинь с некоторым сомнением посмотрел на Цзянь Цяня.

— Угу!

— Хорошо! — с улыбкой согласился Ци Цзинь.

Если подумать, он действительно никогда раньше не водил Сяо Цяня в парк развлечений. Тот всегда был слишком послушным — настолько послушным, что он и сам забыл: Сяо Цянь ведь тоже ребенок, которому свойственны радости и печали, которому тоже нужна ласка и забота.

А он так и не подарил ему счастливого детства.

Материальные блага зачастую не способны восполнить нехватку душевного тепла.

В конце концов, он слишком перед ним виноват.

Ци Цзинь все последние дни неотлучно провел рядом с Цзянь Цянем и даже не ездил в офис. Для человека, помешанного на работе, выделить столько времени на то, чтобы побыть с Цзянь Цянем, ясно говорило о том, насколько тот ему дорог.

[Ванцай, когда проявится действие гусей?]

[Через неделю.]

[Почему так быстро?]

[Потому что у Хозяина особая конституция тела.]

— Что ты купил? — с любопытством спросил Цзянь Цянь, заметив, как Ци Цзинь внес в комнату какую-то коробку.

— Парные костюмы! Сегодня мы отправляемся в парк развлечений!

Парные костюмы? Наверное, костюмы для влюбленных!

[Ванцай, ставлю пачку острых полосок, что это костюмы для парочек.]

[.....] Ванцай предпочел промолчать и мысленно закатил глаза, предоставляя Хозяину додуматься до всего самому.

Хотя Цзянь Цянь уже догадывался, что это парные костюмы, когда папочка-генеральный директор извлек их на свет, Цянь Юй всё равно был потрясен...

Комплект нежно-розовых заячьих нарядов в стиле кавай и комплект черных волчьих костюмов в тон. Неужели у господина генерального директора такая детская душа?

Боже мой, почему это выглядит так, будто собираешься участвовать в ролевых играх? Какой стыд.

— Господин Ци, неужели нам обязательно надевать это? — смущенно глядя на заячий костюм, спросил Цзянь Цянь.

— Угу. Раз уж мы идем в парк развлечений с Сяо Цянем, нужно как следует повеселиться, — улыбнулся Ци Цзинь.

В душе Ци Цзинь преследовал свой собственный маленький умысел: едва увидев этот кроличий наряд, он почему-то подумал, что он идеально подойдет Цзянь Цяню, и в том будет выглядеть просто потрясающе, поэтому господин директор купил его ни секунды не раздумывая.

— Иди сюда, я помогу тебе переодеться...

— Не нужно... Я сам! — Цзянь Цянь торопливо схватил одежду.

Если позволить Ци Цзиню переодевать его, сегодня всё гарантированно закончится в постели. Какая уж тут прогулка в парк развлечений, кому тогда будет дело до парков?

Переодевшись, Ци Цзинь тихо ждал снаружи. Прошло довольно много времени, прежде чем Цзянь Цянь неторопливо вышел из комнаты — покрасневший и жутко смущенный.

В ту же секунду глаза Ци Цзиня впились в него немигающим взглядом — точь-в-точь голодный

серый волк, заметивший желанного крольчонка.

Хрупкая фигурка Цзянь Цяня в этом наряде и впрямь выглядела невероятно мило, пробуждая непреодолимое желание защитить его, а одно заячье ушко забавно свесилось набок, придавая ему игривый вид.

Безумно мило...

Ци Цзинь сглотнул слюну, изо всех сил пытаясь успокоить бушующее в груди сердце, и мягко произнес:

— Тебе очень идет этот наряд, Сяо Цянь.

— Правда?

— Разумеется!

Цзянь Цянь счастливо улыбнулся. Стоявший перед ним господин Серый Волк тоже был чертовски, просто невероятно хорош собой!

Костюм подчеркивал высокую, стройную фигуру Ци Цзиня во всей красе — это наверняка был самый красивый волк во всей степи. А волчьи ушки на голове выглядели так притягательно, так и хотелось их потрогать...

Такой красавец-волк — и он мой!

Гордость переполняла его, неописуемая гордость!

— Господину Ци тоже очень... очень идет этот костюм! — Цзянь Цянь смущенно потерел пальцы.

Ци Цзинь изогнул губы в улыбке:

— Вот как? И чем же он хорош?

— Всем хорош!

— А знает ли Сяо Цянь, что волки едят кроликов? — с игривой улыбкой спросил Ци Цзинь.

Цзянь Цянь наивно посмотрел на него:

— Господин Ци собирается меня съесть?

— Да, съем ночью!

[Ванцай, что говорит господин директор? Почему я ничего не понимаю? С чего это он собирается съесть меня ночью?]

[.....]